

Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени

О.В. Танимов

доцент, докторант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. Адрес: 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: tanimov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем, связанных с развитием в эпоху Нового времени уникального феномена в праве — юридической фикции, применяющейся в тех случаях, когда иные нормы не в состоянии регулировать общественные отношения с целью устранения пробелов и неопределенностей. Фикции рассматриваются в контексте теории олицетворения юридического лица. Суть фикции заключается в условном утверждении несуществующего положения как существующего и наоборот. Эта тема с древних времен постоянно привлекала пристальное внимание как теоретиков, так и практиков в области права. Фикции применялись в римском праве, в Средние века. Исключительно большое значение юридическим фикциям придавал Ф.К. Савиньи — виднейший представитель исторической школы права. Он рассматривал совокупность фикций не только как отдельный инструмент в регулировании общественных отношений, но и как стройную научную теорию. В Новое время она получила название «теория юридического лица». В связи с этим особое внимание уделяется рассмотрению именно сущности юридических лиц как фиктивных субъектов права в Новое время. В статье анализируются идеи и выводы ученого, которые были им сформулированы в процессе исследовательской работы по этой проблеме. Отмечается, что научное наследие Ф.К. Савиньи позволяет современным теоретикам и практикам увидеть положительное влияние теории фикций на развитие законодательства, качество судебной практики, развитие юридического образования, а также ощутить большую роль, многогранность и необходимость феномена фикции в теории права. Также в статье рассмотрены и противоположные взгляды на теорию фикций представителей различных школ права: германистов, романистов и других, которые, не соглашаясь с теорией юридической фикции Савиньи, тем или иным образом в своих доводах признавали, что юридическое лицо — это не вполне реальный субъект права. Рассмотрена в том числе и позиция русских цивилистов по отношению к фикции. Всесторонний анализ научных воззрений на феномен фикции в праве позволил построить видение процесса развития юридических фикций в эпоху Нового времени.

Ключевые слова

юридические фикции, Новое время, Ф.К. Савиньи, право, юридическое лицо, теория фикций, историческая школа права, олицетворение, германисты, романисты, цивилисты

Библиографическое описание: Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С 4–18.

Новое время — это эпоха появления законодательства и развитой правовой науки, которая способствовала эффективности законодательства. Эпоха Нового времени

знаменательна в плане изучения фикций не только видными правоведами, но и учеными-фольклористами, так как эволюция юридических фикций объективно привязана к эволюции источников: мифов, обычаев, религии, законодательства¹. Развитые страны в этот период переходят к письменным (более интеллектуальным) источникам — законодательным. В процессе формирования законодательства ученые-правоведы помогают повысить эффективность формирующихся новых источников права. Одним из правоведов, посвятивших себя этой цели, а также изучению сущности фикций в праве, был известный юрист Ф.К. Савиньи.

Теория юридических фикций Ф.К. Савиньи (1779–1861). Фридрих Карл фон Савиньи — виднейший представитель исторической школы права, которая зародилась в самом конце XVIII в. в Германии и сделалась в первой половине XIX в. весьма влиятельной в изучении права². Всесторонней оценки деятельности Савиньи как философа, политика и ученого мы до сих пор не имеем, хотя о нем написано много трактатов³. Следует отметить также, что правовое учение представителя исторической школы и теории юридических фикций по-прежнему остается недостаточно изученным правовой наукой.

Ф.К. Савиньи одним из первых высказал мысль, что юридическое лицо представляет собой не что иное, как созданный посредством простой фикции субъект права, фактически не существующее образование. Условность в данном случае заключается в том, что речь идет не о конкретной законодательной норме, правовом обычае или обычкновении, а о доктрине, которая существовала наряду с другими теоретическими концепциями, поддерживающими иной взгляд на природу юридического лица (такими, как теории «социальных связей» или «особого вида социальной реальности»)⁴. Один из главных создателей Германского гражданского уложения Б. Виндшейд (1817–1892)⁵ и Ф.К. Савиньи считали, что юридическое лицо — это искусственный субъект, созданный законом лишь для условной привязки к нему субъективных прав и обязанностей, которые в действительности либо принадлежат его участникам — конкретным физическим лицам, либо остаются бессубъектными.

Основной научной теории Савиньи о юридических лицах стала теория олицетворения или теория фикции, господствовавшая в Средние века при поддержке католической церкви. Позднее учение Савиньи получило в науке название «теория олицетворения», но это название, на наш взгляд, не совсем правильное, так как не указывает на саму сущность теории — на то, что допускаемая этой теорией личность — вымышленная, в действительности не существующая, т.е. «фингированное существо».

В одном из первых определений понятия юридического лица, данном папой Иннокентием IV в 1245 г., говорится, что юридическое лицо существует лишь в понятии, оно не одарено телом, а значит, не обладает волей. Именно к этому положению околонуучного характера обращается Савиньи в своей теории фикций. Учение Савиньи состояло

¹ См. подр.: Танимов О.В. Фикция как регулятор отношений в христианстве // Административное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 87–91.

² См.: История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма-Инфра, 1999. С. 412.

³ См., напр.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. М.: Унив. типогр., 1896; Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М.: Типогр. Мамонтова, 1886; Савиньи Ф.К. Обязательственное право / пер. на рус. Фукса и Мандро. М.: Типогр. А.В. Кудрявцевой, 1876 (в предисловии изложена подробная биография Савиньи) и др.

⁴ История политических и правовых учений... С. 412.

⁵ Подробнее о Б. Виндшейде см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: Биографии: в 12 т. Т. 3 / отв. ред. В.М. Караев, М.М. Хитров. М., 1993. С. 350–351.

в следующем. Первоначальное понятие лица или юридического субъекта совпадает с понятием человека: каждый отдельный человек и только отдельный человек правоспособен. Савиньи прав в том, что понятие лица как абстракции от человека сначала было применено к нему как к живому существу и позднее распространилось на другие юридические субъекты. Лишь благодаря праву понятие лица может испытать двоякую модификацию, ограничительную и распространительную: во-первых, многим людям может быть вполне или отчасти отказано в правоспособности; во-вторых, правоспособность может быть переносима на нечто такое, что не есть отдельный человек, следовательно, искусственным образом может быть создано юридическое лицо. Юридическое лицо — это искусственный, фиктивный субъект, допускаемый только для юридических целей, и искусственная способность этого субъекта распространяется только на отношения частного права. Как простая фикция, юридическое лицо не может иметь сознания и воли и, следовательно, недееспособно; этот недостаток дееспособности восполняется представительством, как при опеке и попечительстве над малолетними и безумными. Савиньи полагал, что каждое отдельное юридическое лицо должно получать свое бытие от государственной власти, отстаивая таким образом разрешительный порядок образования юридических лиц.

Название «юридическое лицо» Савиньи предпочитает всем другим названиям, ранее употреблявшимся, в особенности названию «моральное лицо»⁶, которое нередко использовалось в отношении данного субъекта. Несмотря на то что всякое вообще юридическое лицо есть нечто искусственное, Савиньи различает между ними такие, которым нужно приписать естественные или необходимые существования (например, общины), и такие, существование которых есть искусственное и произвольное (институты и вольные союзы). Затем, смотря по тому, обладают ли юридические лица видимыми проявлениями или имеют идеальное существование, основывающееся на общей, достигаемой ими цели, Савиньи различает корпорации и институты, хотя и допускает возможность перехода одного вида юридических лиц в другой. Наконец, последнее различие между юридическими лицами устанавливается тем, имеют ли они развитое и сложное устройство или скудное и простое. Однако вне этих противоположностей Савиньи ставит величайшее и важнейшее из всех юридических лиц — фиск, т.е. само государство, мыслимое как субъект частноправовых отношений, но не в смысле корпорации всех граждан государства.

В своей теории фикций Савиньи обращался к положениям, выдвинутым Иннокентием IV и имевшим околонуточный характер. Кроме того, Савиньи представлял сущность юридического лица в олицетворении путем фикции и обосновывал свой взгляд на источниках римского права. Прежде всего он рассматривал вопрос, что первоначально явилось материалом для юридического лица в римском праве. На эту проблему существовали разные мнения: одни утверждали, что государство (*civitas romana*) есть древнейший и первоначальный юридический субъект, по примеру которого образовались все другие союзные формации как юридические лица; другие утверждали, что понятие юридического лица как субъекта гражданских прав, равноправного с физическими лицами, развилось в применении к муниципиям, а с последних было перенесено на все другие корпорации и, наконец, на само государство⁷.

Юридическое олицетворение, т.е. приравнивание союза людей к частному лицу в сфере гражданского оборота, нашло свое применение прежде всего к зависимым общинам (муниципиям), «ибо, — говорит Савиньи, — эти последние, подобно естественным лицам, имели потребность в имуществе и случай к его приобретению, а с другой стороны, состояли в такой зависимости, в силу которой они могли быть привлечены к суду...

⁶ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права (по изд. 1907 г.). Тула: Автограф, 2001. С. 115–116.

⁷ См.: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. СПб.: 6/и, 1883. С. 610, 645–646.

не римская республика и не ее имущество послужили первым поводом к признанию юридической личности и к развитию ее права; но установленное ради подвластных городов понятие юридического лица стало применяться и в таких случаях, для которых оно, пожалуй, не было изобретено»⁸.

Рассматривая понятие юридических лиц по римскому праву, необходимо затронуть еще один спорный вопрос относительно сущности лежачего наследства. В древнейшем римском праве правовое положение лежачего наследства понималось очень примитивно: непринятое наследственное имущество рассматривалось как бесхозяйное. В классическом римском праве лежачее наследство перестало быть бесхозяйным имуществом — до принятия наследником это имущество как бы числилось за умершим⁹. Трудно отрицать, что классическая юриспруденция при олицетворении лежачего наследства прибегала к помощи фикции, т.е. лицо, не существующее в действительности, мыслилось как существующее, причем большинство средневековых юристов признавали юридическую личность лежачего наследства (например, Бартоло да Сассоферрато). Савиньи отказывал в личности лежачему наследству, находя, что, хотя римляне прибегали к фикции продолжения личности умершего наследодателя и в этом смысле сравнивали лежачее наследство с юридическими лицами как фиктивными.

Теория олицетворения была воспринята законодательством и в то же время подверглась критике со стороны юристов. Критикуемая теория фикций тем не менее породила ряд других доктрин, так или иначе использующих для объяснения понятия юридического лица данную категорию. К их числу относится идея олицетворения имущества (К. Белау), суть которой заключается в том, что имущество, служащее определенной цели, для пользы людей, играет посредством действий представителей роль лица. Соответственно, к этой теории применима та же критика, что и к основной теории фикций.

Некоторые ученые при исследовании данной проблемы предлагают обходиться без понятия лица, субъекта (А. Бринц и др.)¹⁰. Есть права, относящиеся к цели; субъектами права могут быть животные (например, при наследовании). Юридическое лицо, с точки зрения этих ученых, есть длящееся состояние управления имуществом, отделенным от всех других имуществ. Критика данной теории сводится к тому, что субъективное право невозможно без субъекта, которым может быть только человек, ибо объективное право регулирует отношения между людьми, а не отношения между не-людьми или между лицами и не-лицами. Кроме того, представители этой теории также не обходятся без применения фикций.

Некоторыми учеными проблема юридического лица решалась путем отрицания самого юридического лица. Например, Р. Иеринг и его последователи (в России, в частности, Н.М. Коркунов)¹¹, исходя из того, что носителем права может быть только человек, полагали, что юридическое лицо — это не более чем способ существования правовых отношений лиц, входящих в его состав (дестинаторов права). В ответ Е.Н. Трубецкой резонно возражал, что в числе юридических лиц есть такие, которые существуют независимо от воли лиц, входящих в их состав. Кроме того, члены юридического лица постоянно меняются, а его суть остается. Даже если бы все наличные члены этого лица умерли, юридическое лицо существовало бы и сохраняло свои права¹².

⁸ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву (по изд. 1892 и 1900 г.). М.: Статут, 2000. С. 40–41.

⁹ См.: Там же. С. 235.

¹⁰ См.: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 54.

¹¹ См.: Иеринг Р. Юридическая техника. СПб.: б/и, 1905; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914.

¹² См. подр.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.

Особое место в доктринах юридического лица занимает концепция его существования как реального субъекта реальных общественных отношений. Основатель органической теории юридического лица О. Гирке утверждал, что юридическое лицо — это особый телесно-духовный организм, союзная личность. Существует одно юридическое целое, коллективность, организованная, мыслящая и желающая через свои органы. Указанная теория была подвергнута критике. Ее оппоненты выдвигали различные обвинения, например, что эта теория вместо теории фикции Савиньи ставит «другую, еще более искусственную и отдающую средневековой схоластикой фикцию реального существования тех самых совокупных лиц и имуществ, в которых единство воли во многих есть не что иное, чем сумма единичных волей». Были обвинения и в «биологизации юридического лица»¹³.

Сила теории Савиньи состоит в его чисто научных работах, отличающихся необыкновенной ясностью изложения, богатством материалов и знаний, законченностью и полнотой частных выводов. Величайшая заслуга Савиньи с позиций настоящего исследования состоит в том, что он впервые сформулировал и научно обосновал теорию юридической фикции и утвердил ее применительно к гражданскому праву. Причина, по которой торжество этой идеи в юриспруденции соединилось с именем Савиньи, заключается в том, что он воспользовался ею для разрешения важного практического вопроса своего времени и таким образом реализовал указанную идею, наглядно показав ее ценность. По мнению С.А. Муромцева, сторонника теории Савиньи, «все совершенное юриспруденцией после толчка, сообщенного ей Савиньи, есть не более как дальнейшее развитие основных, руководящих им идей»¹⁴. Неслучайно крупнейший русский правовед П.И. Новгородцев отмечал, что Ф. К. фон Савиньи по справедливости считается наиболее ярким представителем исторической школы права¹⁵. На создание теории фикции оказали влияние взгляды Савиньи на право в целом¹⁶. В частности, его труды («Система современного римского права», «Обязательственное право», «Право владения», «О признании нашего времени к законодательству и правоведению») стали основой для развития исторической школы права.

Категория юридического лица была введена в научный и практический оборот для того, чтобы, во-первых, подчеркнуть личный характер образования, которое не является человеческим индивидом; во-вторых, оттенить особенности юридической личности коллективного образования (союза) по сравнению с другим субъектом права — человеческой личностью. Реально в сущностной основе юридического лица лежат не фиктивные, а настоящие, истинные потребности людей, но субъекты, которым даются права для охраны этих интересов, — существа нереальные. Это искусственно созданные самой жизнью или законодателем субъекты. Даже краткий анализ существующих концепций юридического лица приводит к выводу о том, большинство из них развивает теорию фикций. Более того, представители любой (даже противоположной) теории также не обходятся без применения фикций. Подвергшаяся влиянию других концепций и несколько измененная, данная теория продолжает использоваться законодателем.

Как показывает практика, теория юридического лица продолжает развиваться под влиянием потребностей общества в регулировании различного рода отношений. В последнее время часто возникает вопрос об определении национальности юридического лица, что является важным с позиций как национального, так и международного

¹³ См.: Гражданское право: в 2 т.: учеб. / под ред. Е.А. Суханова. М.: Норма-Инфра, 1993. Т. 1. С. 335.

¹⁴ Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: б/и, 1877. Ч. 1. С. 207.

¹⁵ См.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб.: Лань, 1999. С. 7.

¹⁶ См.: Там же. С. 73–85; История политических и правовых учений... С. 351–355.

права¹⁷. Применение фикции как юридико-технического приема позволяет праву осуществлять функцию эффективного регулятора общественных отношений. Существующие в современной доктрине четыре основополагающих признака юридического лица, каждый из которых необходим, а все в совокупности — достаточны, чтобы организация могла быть признана субъектом права (организационное единство, наличие обособленного имущества, самостоятельная имущественная ответственность, выступление в гражданском обороте от своего имени), соответствуют теории фикций.

Глава исторической школы права немецкий юрист Ф.К. Савиньи оставил заметный след в развитии правовой теории. Научное наследие истинного ученого Ф.К. Савиньи позволяет современным теоретикам и практикам увидеть положительное влияние теории фикций как на развитие законодательства, качество судебной практики, так и на развитие юридического образования, а также ощутить большую роль, многогранность и необходимость феномена фикции в теории права.

Понятие фикции по теории германистов. Существовая и развиваясь в течение нескольких столетий, теория фикций практически не подвергалась критике. Однако со второй половины XIX в. отдельные ученые высказывались против этой теории, исходя при этом из различных принципов. Первыми выступили германисты (К. Безелер, И. Блунчли). На основе изучения германского права они пришли к убеждению, что корпорация не может быть фиктивным лицом, так как она есть действительное, реальное, живое лицо, а не искусственный продукт мышления. Германисты считали, что нельзя произвольно ограничивать существование корпорации областью только частного права, ибо некоторые виды корпораций могут принимать участие в публичной жизни с самостоятельными правами.

Однако против этой теории было много возражений. Германисты, основываясь на немецком национальном праве, утверждали, что юридическое лицо — это вовсе не фикция, а действительный, реально существующий субъект права, как и физическое лицо, а не только уподобляемый ему. Некоторые последователи этой теории признавали за юридическими лицами такое же реальное существование, как и за физическими¹⁸.

Наиболее корректной представляется теория, впервые в XIX столетии выдвинутая Безелером и получившая дальнейшее развитие главным образом в трудах О. Гирке; из числа романистов к ней примкнул Ф. Регельсбергер¹⁹. Согласно этой теории ошибка остальных исследований и римских юристов состоит в том, что они считают возможными субъектами прав только отдельных людей; поэтому они должны прибегать или к ничему не объясняющей фикции, или к признанию бессубъектных прав во всех тех случаях, когда права принадлежат не отдельным людям. Между тем их основная посылка не верна. Субъектом права как сферы могущества, предназначенной обеспечивать удовлетворение человеческих интересов, может быть, конечно, только существо, способное иметь волю и разделять человеческие интересы. Но таким существом является не только отдельный человек. В обществе с развитием культуры возникают особые *социальные организмы*. Эти организмы так же преследуют человеческие *цели* и разделяют человеческие *интересы*, как отдельные люди. Их отличие от последних сводится к тому, что достижение целей, которые они преследуют, и удовлетворение интересов, которым они служат, являются обычно непосильными и недостижимыми не только для отдель-

¹⁷ См. подр.: *Монастырская Ю.И.* Значение критерия контроля при определении национальности юридического лица // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 114–121.

¹⁸ См.: *Яворская Ю.В.* Юридические лица: законодательные новации теории и судебной практики в современной России // Российский судья. 2010. № 3. С. 2.

¹⁹ Профессор Геттингенского университета, один из выдающихся юристов Германии XIX в.

ного человека, но даже для группы конкретных лиц, существование которой зависит от смены ее членов, и члены которой являются собственниками имущества, служащего для достижения цели.

С другой стороны, эти отдельные организмы, как и отдельные лица, имеют *свою собственную волю*. От отдельных людей они отличаются тем, что органами, вырабатывающими волю социального организма, являются отдельные люди. Несмотря на это, общая воля социального организма есть нечто отличное от воли отдельных лиц, входящих в состав социального организма. Одним словом, эти организмы так же реально существуют, как и отдельные люди. Они неуловимы для внешних чувств, но это не служит доказательством, что они только фикции и реально не существуют: существует не только то, что доступно внешним чувствам²⁰.

Известный знаток истории и литературы о юридических лицах О. Гирке (1841–1921), германист и в этом качестве — противник теории фикции, пришел в своих изысканиях о существе юридических лиц по римскому праву к выводу, что римская юриспруденция знала понятие лица только как лица индивидуального, следовательно, только в области *jus privata*; всякие же союзные образования включало *jus publicum*. Для того чтобы сделать возможным для них гражданский оборот с его гражданскими, для частных лиц формами, римская юриспруденция должна была неминуемо прийти к фикции, т.е. к воззрению, что на самом деле действительного, реального лица как субъекта гражданского права в этих союзных образованиях нет и что это лицо искусственно создается путем фикции, придумывается, мыслится или представляется, следовательно, существует только в мышлении, а не в реальном мире. Таким образом, в римском праве рядом с действительным лицом появилось фингированное, которое велением государства создается из ничего и в силу такого же веления может превратиться в ничто; наделяется правоспособностью в области имущественного права и разнообразными привилегиями, но остается неспособным к воле и действию²¹. Хотя римское право не ставило целью использование фикций для конструирования юридического лица, более того, в латинском языке даже не было термина для его обозначения (при разработанной сущности), но зародыш теории фикции можно наблюдать уже в тот период.

Хотелось бы отметить высказывание И.А. Маньковского, изучавшего взгляды германистов на теорию юридических лиц и сделавшего вывод, что теория фикции наиболее убедительна. В связи с этим для уяснения сущности категории «юридическое лицо», причин, вызвавших ее появление в праве, а также необходимости применения данной категории в современных условиях хозяйствования следует опираться именно на теории фикции, исходить из того, что юридическое лицо как объект материального мира не существует и является искусственным (идеальным) субъектом права, воплощенным в правовых нормах, т.е. вызвано к жизни при помощи приемов юридической техники²².

Взгляды романистов на фикцию. Вслед за германистами выступили другие противники теории олицетворения, отправной точкой для которых послужил принцип, что если в юридических лицах реального субъекта нет, то его не нужно и придумывать, ибо и фикция не может создать лицо там, где его нет на самом деле. Значение фикций было с особенной обстоятельностью рассмотрено Г. Демелиусом. По его мнению, фикция — это только орудие юридической терминологии и представляет собою лишь осо-

²⁰ См.: Хвостов В.М. Система римского права: учеб. М.: Спарк, 1996. С. 119.

²¹ Об органической теории юридического лица О. Гирке см.: Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008.

²² См.: Маньковский И.А. Теории сущности юридического лица: история развития и современные научные подходы // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 117–126.

бую форму выражения для юридического отождествления различных отношений. Сила юридической фикции состоит не в том, чтобы дать бытие тому, чего нет на самом деле, а в том, чтобы допускать последствия, как будто небывшее случилось или случившееся не произошло.

Одной из интересных теорий, выдвинутых романистами, была теория «целевого имущества» А. Бринца²³. Он доказывал, что права и обязанности могут принадлежать как конкретному человеку (субъекту), так и служить лишь определенной цели (объекту). Во втором случае субъект права вообще не требуется, так как его роль выполняет обособленное с этой целью имущество (в том числе отвечающее за долги, сделанные для достижения соответствующей цели). По традиции оно наделяется свойствами субъекта права, хотя на самом деле в этом нет необходимости, а потому не нужно и само понятие юридического лица. Во французской литературе весьма близкие по сути взгляды высказывались М. Планиолем. Он считал, что юридическое лицо — это коллективное имущество, которое в качестве субъекта права является юридической фикцией, созданной для упрощения его использования²⁴.

Г. Лассон, не разделявший взгляды германистов, анализировал юридические лица с точки зрения философии права. По его мнению, право делает абстракцию и видит в человеке только лицо, которое не есть адекватное представление человеческого существа в его целостности. Нельзя сказать, чтобы корпорация имела сознательную волю и сама ставила себе цели, но она существует как воля, цель, за которую нельзя не признать объективного внешнего существования. Этой действительности бессознательные воля, цель, тенденция достигают тем, что приобретают для себя физическую мощь людей, которые становятся служебными по отношению к ней орудиями, и именно поэтому корпорация делается лицом²⁵.

Оригинальную точку зрения на сущность юридических лиц имел Р. Иеринг. Его мнение о юридическом лице связано с взглядами ученого на право вообще как в субъективном, так и в объективном смысле. Он отвергает фиктивные лица, но точно так же отвергает и бессубъектное имущество: нет права без субъекта, и субъектом этим могут быть действительные лица, а не фиктивные — таковы его юридические догмы. Юридическое лицо как таковое неспособно к пользованию, не имеет интересов и целей, не может иметь и прав. Не юридическое лицо как таковое, а отдельные члены суть истинные юридические субъекты. Юридическое лицо есть не что иное, как обращенная вовне форма, в которой обнаруживаются и благодаря которой делаются возможными отношения его к внешнему миру; для внутренних отношений эта форма не имеет значения, так как тут мы имеем дело с индивидуальными правами. Лежачему наследству Иеринг отказывает в юридической личности.

Таким образом, суть фикции, как справедливо отметил Р. Иеринг, заключается «в приравнивании одного к другому для применения к новым отношениям старого права»²⁶. Подобное понимание фикции, по его мнению, допустимо только в части фикций исторических (например, фикций преторского права, которые образовывались в ходе правоприменения и изначально в право заложены не были). Но оно неприменимо к фикциям, которые были заложены в право изначально (например, признание гражданина умершим и т.д.), так как относительно этих фикций нельзя сказать, что они своей целью имеют применение старого права к новым отношениям потому, что они сами

²³ См. подр.: *Brinz A. Lehrbuch der Pandekten*. 2. Aufl. Erlangen, 1873.

²⁴ См.: *Planiol M. Traite elementaire de droit civil*. Т. I. Paris, 1925.

²⁵ См.: *Lasson A. Prinzip und Zukunft des Volkerrechts*. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1871.

²⁶ *Иеринг Р. Юридическая техника*. СПб.: б/и, 1905. С. 93–94.

есть право. Фикции преторского права имели своей целью обход закона, поскольку преторы не могли отменять или изменять закон. Изначальные фикции, уже содержащиеся в правовых актах того времени, сами являли собой закон.

Против фикции высказались и другие романисты в своих трудах. Так, Ф. Зродловский²⁷, определив сначала существо юридического лица отрицательно (т.е. что оно есть лицо без человеческой индивидуальности), далее развивает мысль, что положительное определение этого существа берется из опыта, который учит, что имеются жизненные силы, цели и явления, не включающие в себя жизненный круг определенного индивида, но, переходя за границы индивида, принадлежат к жизненному кругу, охватывающему множество индивидов. Такой союзный жизненный круг называется корпорацией²⁸.

О. Штоббе говорил, что лица, обыкновенно называемые в противоположность физическим идеальными, мистическими или моральными, «не суть фикции, не суть создания положительного права, но право признает лишь наличность субъекта — лица, имеющего волеспособность и имущественную правоспособность подобную же, но более ограниченную по сравнению с человеком». «Такого рода не телесные, не физические лица, — продолжает Штоббе, — принадлежат как публичному, так и частному праву; без сомнения, государство, политические общины, церковные общины возникли не благодаря фикциям, не фикции обязаны своим существованием, не суть создания права, но суть действительные юридические субъекты, — существа, обладающие волею и могущие приобретать права»²⁹.

Г. Дернабург определяет юридические лица как имеющие самостоятельную правоспособность организации, принадлежащие человеческим обществам, или иначе, общественные организации, — о юридических лицах нельзя сказать, чтобы они были чем-то телесным, но нельзя сказать и того, чтобы они были чем-то нереальным, — они суть представления, но это еще не значит, что они — фикция³⁰.

Не соглашаясь с теорией юридической фикции Савиньи, его оппоненты тем или иным образом в своих доводах признают, что юридическое лицо — это не вполне реальный субъект права.

Теория Савиньи вызывала упреки в формальности и поверхностности. Но эти упреки легко отразить простым замечанием — данная теория к тому именно и стремится, чтобы быть чисто формальной и строго юридической. Кроме того, как отмечает Р.В. Енгибарян, «формализм имеет не негативное, а подчеркнуто позитивное значение»³¹, с чем, как представляется, следует согласиться.

Определение фикции в трудах русских цивилистов. Теорию фикции поддерживали и русские цивилисты — А.М. Гуляев, Д.И. Мейер³², Г.Ф. Шершеневич и др. Учение о фикциях строилось на основе изучения римского права. Прежде всего, ученые искали

²⁷ См. подр.: *Бартошек М.* Римское право: понятие, термины, определения. М.: Юридическая литература, 1989. С. 367.

²⁸ *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 132.

²⁹ См.: Там же.

³⁰ См.: *Суворов Н.С.* Указ. соч. С. 132–133.

³¹ *Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К.* Теория государства и права: учеб. пособие. М.: Юрист, 1999. С. 34.

³² В юриспруденции фикция, наверное, впервые предметом специального научного исследования стала в монографии Д.И. Мейера «О юридическом вымысле и предположениях, о скрытых и притворных действиях», где она называется вымыслом права и определяется как «вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде». См.: *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань: Казанский ун-т, 1854. С. 22.

причины появления фикций в праве, их необходимость. Этот процесс обуславливался тем, что исследователи частного права Древнего Рима XIX в. оставили нам заслуживающие внимания суждения о фикциях. Так, С.А. Муромцев писал: «Фикция имеет своим предметом конструкцию юридических отношений; она приравнивает одно отношение к другому и разрушение первоначального значения одного из них, хотя могло быть результатом фикции, однако не составляет ни ее цели, ни необходимого следствия»³³.

Показательно, что в качестве фиктивного образования рассматривал юридическое лицо и Г.Ф. Шершеневич, который считал юридические фикции не мнимыми понятиями, а научными приемами познания, а юридическое лицо — «искусственным субъектом» оборота, созданным для достижения определенной цели³⁴. По этому поводу Д.И. Мейер писал: «Как ни естественно кажется признание юридической личности, все же юридическое лицо есть субъект права только по исключению и поэтому всегда нуждается в признании со стороны общественной власти»³⁵. Аналогичных по существу взглядов придерживался и А.М. Гуляев³⁶.

По законному предписанию при известных обстоятельствах факт, который в действительности не наступил, принимается за наступивший для того, чтобы к случаю, в котором имеет место фикция, получило применение то юридическое последствие, которое законы собственно и определили только на случай, когда вымышленное событие имело место. Принятие не-случившегося или не-имеющегося в наличии за наличное необходимо, чтобы без вреда для юридической последовательности применять старое право к новым отношениям. Фикция есть юридическое принятие факта (положительного или отрицательного) в противоречии с действительностью с целью создать искусственным путем историческое или догматическое основание для известных юридических правил, которые требуются с точки зрения справедливости или пользы, но не могут быть обоснованы средствами доселе действующего права. Суть фикции в применении известного юридического качества для данного фактического состава, лишенного этой квалификации. Сущность фикций вообще и юридических в частности состоит в уподоблении или, вернее, в приравнивании того, что фактически существует, к тому, чего в действительности нет в данном случае, но что бывает и юридически нормировано уже ранее.

Вот что по этому поводу писал профессор римского права Казанского университета Г.Ф. Дормидонтов: «Легальная фикция вводится законодательной властью и не имеет целью обход закона, так как она сама закон. Эта фикция вписывается раз и навсегда... Судебная фикция, напротив, имеет целью непременно обход закона или расширение его действия и применяется судом или вообще учреждением (CORPS), имеющим авторитет, но не законодательной властью»³⁷.

Ученые, давая понятие юридической фикции, определяли ее в основном как прием распространения старого права, имея в виду именно фикции преторского права (Г. Демелиус называет их судебными фикциями). В этом отношении они были правы, так как анализировали римское право не по мере его создания, а весь массив сразу, рассматривали фикции только с точки зрения их принадлежности одной правовой системе, одной территории, одному виду государственного и общественного устройства. С.А. Муром-

³³ Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции. М.: Типогр. Мамонтова, 1885. С. 87.

³⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права... С. 89–91.

³⁵ Мейер Д.И. Русское гражданское право, чтения. СПб.: Типогр. Н. Тиблена и К°, 1864. С. 99.

³⁶ См. подр.: Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 74, 75.

³⁷ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1905. С. 105.

цев относил фикции к аналогиям и так описывал механизм их действия: «Известный признак, отличающий одно отношение от другого, все равно — заключался ли он в присутствии или отсутствии какого-либо свойства, воображался несуществующим, через что оба отношения оказывались вполне сходными и способными к подведению под действие одной и той же юридической нормы»³⁸.

Размышляя о широком распространении фикций именно в римском праве, некоторые исследователи высказывали мнение, что это явление историческое, преходящее, обусловленное несовершенством логического мышления. В частности, С.А. Муромцев писал, что все фикции имеют «исключительно историческое значение» и что «несовершенный логический прием, вызванный известными историческими условиями, не должен распространяться далее границ, установленных для него историей».

Ближе к истине были авторы, которые считали фикции необходимым праву явлением. Г.Ф. Дормидонтов называл фикцию «средством, служащим целям юридической экономики» и говорил, что «они вызваны на свет необходимостью удовлетворять вновь нарождавшимся потребностям имевшимися в распоряжении средствами, дабы избегнуть по возможности ломки установившихся понятий и сохранить традиционное учение формально неприкосновенным, не мешая через то полному практическому осуществлению нового. Служа практической цели, фикции являются средством, с помощью которого эта цель достигается легче, а потому с помощью фикций возможен прогресс в развитии права даже там, где наука не чувствует себя достаточно сильной. Цель же создания фикций — создание новых норм для материального регулирования частных правоотношений, а также удовлетворение известным требованиям нравственным, политическим, вообще целесообразности и общего блага»³⁹.

К подобным суждениям авторов XIX в. позже добавились аргументы более позднего времени о неизбежности фикций в праве как отношений диалектических противоречий, которые, по сути, являются способами развития правовых систем.

Какое же содержание вкладывалось в понятие юридической фикции? Проанализируем отдельные высказывания ученых-юристов XIX в. по этому поводу. «Слово фикция на юридическом языке обозначает предположение какого-либо факта или качества, предположение, противоречащее нередко действительности, но рассчитанное на то, чтобы произвести известные юридические последствия. *Fingere* — выдумывать, притворяться, воображать известный факт, который в действительности не существовал» (Г.Ф. Дормидонтов)⁴⁰. «Часто право предписывает признавать существующее обстоятельство за несуществующее и, наоборот, несуществующее за существующее; такой прием называют фикцией (юридическим вымыслом)» (Ю. Барон)⁴¹. «Фикция юридическая связывает два факта между собой, объявляя то, что должно быть, придавая предположению авторитет и силу. Она предназначена скорее представлять (замещать) истинное, а не обнаруживать его в действительности» (Г.С. Мэн)⁴².

Разные авторы подразумевали в фикции более глубокое, другие — несколько поверхностное содержание; придавали ей объемный или узкий смысл. Несмотря на это, смысл всех рассуждений сводился к объявлению несуществующего существующим и

³⁸ Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции. С. 97.

³⁹ Дормидонтов Г.Ф. Указ. соч. С. 33, 84.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб.: Склад издания в книжном магазине Н.К. Мартынова, 1909. С. 104.

⁴² Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1873. С. 2.

наоборот. Позиции этих же авторов в отношении вопроса, чем было обусловлено существование фикций в римском праве, также представляет интерес.

Д.И. Мейер связывал существование фикций с формализмом римской юриспруденции, римского права. Он так объяснял происхождение вымысла в римском праве: «Формализм требовал буквального применения конкретного закона, жизнь требовала его обобщения, которого, однако, нельзя было совершить через замену того закона изложением кроющегося в нем общего юридического начала, — на то ни пришло время, ни созрело достаточно право. Та же сила, что создала закон в конкретном виде, как определение конкретного случая с чувственными, осязательными признаками, указала на прием распространения этого закона на другие случаи — сила воображения. Закон велит: такой-то случай есть случай однородный, но с иными признаками, и потому под закон не подходящий, и закон велит думать, что нет этих иных признаков и случай есть тот, что предусмотрен законом, и потому под него подходящий. Другими словами, власть прибегает к вымыслу, не жертвуя формализмом, она удовлетворяет условиям жизни»⁴³. Римские юристы с помощью фикций достигали одной цели — применения юридической истины ко всем случаям, по сущности своей под нее подходящим.

С.А. Муромцев связывал существование фикций с консерватизмом римской юриспруденции, с нежеланием изменения римского права и как стремление сохранить старое: «Консерватизм составлял свойство, характеризовавшее римскую юриспруденцию в продолжение весьма долгого периода ее деятельности и служил важною образующей причиною в истории юридических норм Рима. Когда в жизни возникало новое отношение, хотя и родственное со старым, но не вполне тождественное с ним, тогда понятие, закованное в известную формулу, не оказывалось способным растянуться; родство отношений могло чувствоваться, но не сознаваться. В силу чувства не отказывали вновь народившемуся отношению в защите...», его либо «насильно вдвигали в старую рамку или же наоборот — отрицали всякое сходство нового отношения со старым, образовывали новые институты и понятия, отодвигая их в новую, совершенно независимую от старой систему. Фикция послужила здесь средством примирения консерватизма юридического мышления с потребностями правовой жизни; при ее помощи защиту теоретически получал только старый институт, тогда как на практике защищалось новое отношение...»⁴⁴.

«Потребности правовой жизни» обусловили необходимость использования фикций в русском праве. Том X Свода Законов Российской империи содержал нормы, допускавшие применение юридической фикции⁴⁵. При этом отрицательно оценивались фиктивные действия участников частного оборота. Например, праву Российской империи было известно понятие симуляции, отдельные виды которой запрещались законом⁴⁶.

Юридическая наука сформировала несколько точек зрения в отношении фикций: фикция как прием законодательной техники является неизбежной, так как отражает внутренние свойства, присущие правовым нормам; фикция — это антипод закона и ее сущность состоит в отчуждении закона от интересов общества. Это характерные варианты фикции, сформированные предшествующей философско-правовой мыслью.

В Новое время не существовало ни одной школы права, которая не проявила бы научного интереса к фикции как правовой категории, поскольку стало явным ее значение для юридической науки и практики.

⁴³ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях... С. 10.

⁴⁴ Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. С. 5, 12, 81.

⁴⁵ См.: Гражданские законы (Свод Законов, том X, часть I) с разъяснениями их по решениям Правительствующего Сената. СПб.: Типогр. Ю.А. Бокрама, 1870.

⁴⁶ См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 148.

Библиография

- Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб.: Склад издания в книжном магазине Н.К. Мартынова, 1909.
- Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения. М.: Юридическая литература, 1989.
- Гражданские законы (Свод Законов, том X, часть I) с разъяснениями их по решениям Правительствующего Сената. СПб.: Типогр. Юлия Андр. Бокрама, 1870.
- Гражданское право: в 2 т.: учеб. / под ред. Е.А. Суханова. М.: Норма-Инфра, 1993. Т. 1.
- Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1913.
- Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1905.
- Енгигбарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. М.: Юристъ, 2000.
- Енгигбарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права. М.: Юристъ, 1999.
- Иеринг Р. Юридическая техника. СПб.: б/и, 1905.
- История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма-Инфра, 1999.
- Маньковский И.А. Теории сущности юридического лица: история развития и современные научные подходы // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 117–126.
- Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2003.
- Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях. О скрытых и противоречивых действиях. Казань: Казанский ун-т, 1854.
- Мейер Д.И. Русское гражданское право, чтения. СПб.: Типогр. Н. Тиблена и К°, 1864.
- Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008.
- Монастырский Ю.И. Значение критерия контроля при определении национальности юридического лица // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 114–121.
- Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции. М.: Типогр. Мамонтова, 1885.
- Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М.: Типогр. Мамонтова, 1886.
- Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. СПб.: б/и, 1883.
- Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: б/и, 1877. Ч. 1.
- Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1873.
- Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. М.: Унив. типогр., 1896.
- Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб.: Лань, 1999.
- Савиньи Ф.К. Обязательственное право. М.: Типогр. А.В. Кудрявцевой, 1876.
- Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.
- Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000.
- Танимов О.В., Крапивина О.Н., Малкина М.И. Теория фикций К.Ф. Савиньи // Вестник Мордовского университета. 2002. № 1–2. С. 54–58.
- Танимов О.В. Фикция как регулятор отношений в христианстве // Административное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 87–91.
- Хвостов В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996.
- Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001.
- Яворская Ю.В. Юридические лица: законодательные новации теории и судебной практики в современной России // Российский судья. 2010. № 3. С. 11–16.
-

Development of Legal Fiction in Modern Age

Oleg V. Tanimov

Doctoral Student, the Kutafin Moscow State Law Academy, Candidate of Juridical Sciences. Address: 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123995, Russian Federation. E-mail: tanimov@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to research of the problems related to the development in Modern Age a unique legal phenomenon, i.e. legal fiction which was applied when other norms failed to regulate public relations to eliminate drawbacks and ambiguity. The nature of fiction is in an ad hoc statement to be recognized as valid and vice versa. This area has been drawing attention of both legal academics and practicing lawyers since ancient times. Fictions applied in Ancient Roman law, in the Middle Ages. A special significance of legal fictions was noted by C.F. Savigny, an outstanding representative of the Historical School of Law, as he studied the set of fictions both as a special tool to regulate public relations and a consistent legal theory. In Modern Age, it was dubbed *the theory of a legal person*. The paper analyzes the ideas and conclusions of the scholar who has allowed modern researchers and practicing lawyers to see the positive influence of the theory of fictions both on the development of legislation, legal practice, legal education and experience a pivotal role and diversity and the relevance of the phenomenon of fiction in the theory of law. Besides, the article has studied contrasting views of the theory of fictions by the representatives of different legal schools: Germanists, Romanists etc., who though having opposed Savigny's theory of legal fiction recognized somehow in their opinions the fact that the legal person is an illusory subject of law. The paper is also studying the attitudes of Russian civilists to the fiction. The complex analysis of scientific views of the phenomenon of fiction in law has let make up the idea of the process of the development of legal fiction in the epoch of Modern Age.

Keywords

Legal fictions, Modern Age, Savigny, law, legal person, fiction theory, historical school of law, personification, Germanists, Romanists, Civilists.

Citation: Tanimov O. (2014) Development of Legal Fiction in Modern Age. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 4–18. (in Russian)

References

- Baron Yu. (1909) *Sistema rimskogo grazhdanskogo prava* [System of Roman Civil Law]. Saint Petersburg: Izdanie N.K. Martynova, 305 p.
- Bartoshek M. (1989) *Rimskoe pravo: ponyatie, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Concept, Terms, definitions]. Moscow, Yuridicheskaya literature, 448 p.
- Dormidontov G.F. (1905) *Klassifikatsiya yavleniy yuridicheskogo byta, otnosimyykh k sluchayam primeneniya fiktsiy* [Classification of the concepts of Law Related to Applying Fiction]. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo Universiteta.
- (1870) *Grazhdanskie zakony (Svod Zakonov, tom X, chast' I) s raz'yasneniyami ikh po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Senata* [Civil Laws (Laws. Vol. X)]. Saint Petersburg, Tipografiya Yu. A. Bokrama.
- Engibaryan R.V., Tadevosyan E.V. (2000) *Konstitutsionnoe pravo: Uchebnik* [Constitutional Law. Textbook]. Moscow, Yurist, 492 p.
- Engibaryan R.V., Krasnov Yu.K. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie* [Theory of State and Law. Manual]. Moscow, Yurist, 576 p.
- Gulyaev A.M. (1913) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Saint Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevitcha.
- Iering R. (1905) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Saint Petersburg.
- Khvostov V.M. (1996) *Sistema rimskogo prava. Uchebnik* [System of Roman Law. Textbook]. Moscow, Spark, 522 p.

- Nersesyants V.S. (ed.) (1999) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: Uchebnik dlya vuzov* [History of Political and Legal Theories]. Moscow, Norma-Infra, 944 p.
- Man'kovskiy I.A. (2010) *Teorii sushchnosti yuridicheskogo litsa: istoriya razvitiya i sovremennye nauchnye podkhody* [Theories of Legal Person: Development and Modern Scientific Approaches]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no 4, pp. 117–126.
- Men G.S. (1873) *Drevnee pravo, ego svyaz' s drevney istoriey obshchestva i ego otnoshenie k noveyshim ideyam* [Ancient Law, its association with Ancient History and the attitude to New Ideas]. Saint Petersburg, D.E. Kozhachnikov, 320 p.
- Meyer D.I. (1854) *O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniyakh. O skrytykh i protivorechivyykh deystviyakh* [On Legal Fictions and suggestions, on hidden Sham Actions]. Kazan', Kazanskiy Universitet, 127 p.
- Meyer D.I. (1864) *Russkoe grazhdanskoe pravo, chteniya* [Russian Civil Law]. Saint Petersburg, N. Tiblen and C, 789 p.
- Meyer D.I. (2003) *O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniyakh, o skrytykh i pritivnykh deystviyakh* [On Legal Fictions and suggestions, on hidden Sham Actions] Moscow, YurInfoR,
- Mozolin V.P. (2008) *Sovremennaya doktrina i grazhdanskoe zakonodatel'stvo* [Modern Doctrine of Civil Legislation]. Moscow, Yustitsinform, 127 p.
- Monastyrskaya Yu.I. (2011) *Znachenie kriteriya kontrolya pri opredelenii natsional'nosti yuridicheskogo litsa* [Meaning of the Control Criterion determining the nationality of a legal Person]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 4, pp. 114–121.
- Muromtsev S.A. (1883) *Grazhdanskoe pravo drevnego Rima* [Civil Law of Ancient Rome]. Saint Petersburg.
- Muromtsev S. (1885) *O konservatizme rimskoy yurisprudentsii*. [On Conservative Roman Jurisprudence]. Moscow, Tipografiya Mamontova.
- Muromtsev S.A. (1886) *Obrazovanie prava po ucheniyam nem. Yurisprudentsii* [Law on German Legal Theories]. Moscow, Tipografiya Mamontova.
- Muromtsev S.A. (1877) *Ocherki obshchey teorii grazhdanskogo prava* [Essays on General Theory of Civil Law]. Moscow, 321 p.
- Novgorodtsev P.I. (1896) *Istoricheskaya shkola yuristov* [Historical School of Jurists]. Moscow, Universitetskaya Tipografiya.
- Novgorodtsev P.I. (1999) *Istoricheskaya shkola yuristov* [Historical School of Jurists]. Saint Petersburg: Lan', 192 p.
- Savin'i F.K. (1876) *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, Tipografiya A.V. Kudryavtsevov.
- Shershenevich G.F. (2001) *Kurs grazhdanskogo prava* [Course of Civil Law]. Tula, Avtograf, 720 p.
- Sinayskiy V.I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, Statut, 638 p.
- Sukhanov E.A. (ed.) (1993) *Grazhdanskoe pravo: V 2-kh tt. Uchebnik* [Civil Law: in Two Volumes. Vol. 1. Textbook]. Moscow, NORMA-INFRA, 236 p.
- Suvorov N.S. (2000) *Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu* [On Legal Entities under Roman Law]. Moscow, Statut, 299 p.
- Tanimov O.V., Krapivina O.N., Malkina M.I. (2002) *Teoriya fiktsiy K.F. Savin'i* [F. C. Savigny's Fiction Theory]. *Vestnik Mordovskogo universiteta (Nauchno-publitsisticheskiy zhurnal)*. Saransk, no 1–2, pp. 54–58.
- Tanimov O.V. (2011) *Fiktsiya kak regul'yator otnosheniy v khristianstve* [Fiction as an Index of Relations in Christianity]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, no 12, pp. 87–91.
- Yavorskaya Yu.V. (2010) *Yuridicheskie litsa: zakonodatel'nye novatsii teorii i sudebnoy praktiki v sovremennoy Rossii* [Legal Persons. Legislative Novations in Judicial Practice in Modern Russia]. *Rossiyskiy sud'ya*, no 3, pp. 11–16.